

К СПОРУ О ДАТИРОВКЕ ТИГРАНАКЕРТСКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСИ

Г. Х. САРКИСЯН

Недавно на страницах «Историко-филологического журнала» была опубликована статья Л. А. Ельницкого, в которой он поддержал оживший в последние годы интерес к греческой надписи из Тигранакерта¹, что очень ценно, ввиду недостаточной изученности этого важнейшего документа.

Вопрос о датировке надписи, на которой Л. А. Ельницкий сосредоточил свое внимание в указанной статье, имеет, в двух словах, следующую историю. Издатель надписи Леманн-Хаупт, правильно определивший ее как царский указ, опираясь на палеографические данные надписи и учтя мнение ряда крупных эпиграфистов-классиков (Хиллер фон Гертринген, Вилламовиц-Меллендорф, Диттенбергер и др.), пришел к выводу, что надпись следует отнести «ко времени, едва ли ранее III в. н. э., мы можем рассматривать это столетие, равно как и следующие столетия, как время ее создания»².

Далее, не сомневаясь в том, что надпись принадлежит армянскому царю и подыскивая подходящую обстановку в истории Армении IV в., Леманн-Хаупт, как казалось ему, нашел наиболее согласующийся с ее содержанием период в годы правления царя Папа (369—374). Этой датировкой и навеяны некоторые восстановления недостающих частей текста надписи.

Позже Маркварт обратил внимание на важное обстоятельство, странным образом не оказавшее влияния на ход рассуждений Леманн-Хаупта, именно на то, что в надписи неоднократно упоминаются *боги, провидение богов* (*προβία των θεων*), а также некоторые другие выражения, которые, в общей совокупности, не разрешают приписать авторство надписи армянскому царю-христианину; он выдвинул положение о принадлежности надписи к дохристианскому периоду³. Найдя суждения

¹ Л. А. Ельницкий, О датировке тигранакертской надписи, «Историко-филологический журнал», 1961, № 2, стр. 207 слл.

² С. F. L e h m a n n - H a u p t, Armenien einst und jetzt. I. Vom Kaukasus zum Tigris und nach Tigranokerta, Berlin, 1910, стр. 418; первое издание надписи см. С. F. L e h m a n n - H a u p t, Eine griechische Inschrift aus der Spätzeit Tigranokertas, «Klio», VIII. Leipzig, 1908, стр. 497 слл.

³ J. M a r k w a r t, Südarmenien und die Tigrisquellen, nach den griechischen und arabischen Geographen, Wien, 1930, стр. 134 слл.

Маркварта вполне убедительными, мы предложили датировать надпись временем царя Трдата III, до принятия им христианства, что произошло в начале IV в., едва ли ранее 302 и позже 314 г.¹

Это, с одной стороны, подсказывалось необходимостью датировать надпись, руководствуясь палеографическими соображениями, приведенными у Леманн-Хаупта, возможно более поздним временем (в пределах указанного Марквартом *terminus post quem* по), с другой — поддерживалось соответствием содержания надписи исторической обстановке, сложившейся в Передней Азии после подписания в Низибине 40-летнего мирного договора между Римом и Персией (298 г.).

Л. А. Ельницкий, вслед за К. В. Тревер², поддерживает датировку Леманн-Хаупта, начисто отрицая возможность отнесения ее к более раннему, чем середина IV века, времени. К сожалению, однако, автор статьи, в том пункте, который должен был бы стать для него исходным и решающим — в процессе палеографической оценки надписи, — ограничивается лишь повторением сказанного у Леманн-Хаупта и тем самым фактически отказывается от активной попытки доказать неизбежность защищаемой им датировки. Собственная аргументация автора сводится лишь к попытке показать возможность примирения содержания надписи с армянской действительностью середины IV в.

Эта аргументация состоит из двух пунктов. Первый: «...Первые христианские императоры Константин и Констанций сохраняли, из политических соображений, некоторые древние культы, в частности культ богини победы и императорский культ» (стр. 209). «...В годы царствования императора Юлиана приверженцы античной религиозности, в особенности в восточных провинциях, весьма резко выступали против христианства» (стр. 210) и т. п. Отсюда вывод, что в Армении дело должно было обстоять таким же образом.

Правомерность этого вывода отнюдь не столь очевидна, как представляется автору, и на страницах арменоведческого журнала не требуется многих слов для подтверждения сказанного.

История Армении IV в., в отличие от истории I—III вв., где приходится цепляться за аналогии с сопредельными странами, хорошо освещена нарративными источниками V в. В свете этих источников не вызывает сомнения тот факт, что условия победы христианства в Римской империи и в Армении были различны. Миланский эдикт лишь разрешил христианство в Римской империи, в то время как акции Трдата III означали его насаждение в Армении. О преемниках Трдата, армянских царях-христианах IV в., имеются подробные сведения у Фавстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци — поборников христианства и духовных лиц, отно-

¹ Г. Х. Саркисян, Из истории городской общины в Армении (IV в. н. э.), ВДИ, 1955, № 3, стр. 51; он же, Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин, М., 1960, стр. 85.

² К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 285.

сившихся к ним в целом неприязненно (особенно к Аршаку II и его сыну Папу) и предельно чутко реагировавших даже на малейшие ущемления прав церкви и притеснения ее со стороны царей. Такой акт, как отступничество одного из царей от христианства (а только это могло бы служить основанием для упоминания в официальной царской надписи *богов*⁶), не только было бы отмечено этими авторами, но получило бы у них широчайший резонанс, как получило отступничество императора Юлиана (уже его прозвище «Отступник» говорит об этом), и не только в римской, но даже в армянской литературе (ср. Мовсес Хоренаци, III, 13, 15, 17). Между тем в упомянутых источниках, среди многочисленных обвинений и нареканий по поводу деятельности и поведения армянских царей IV в., нет ничего похожего на то, чтобы им приписывалось отступничество от христианства, если, конечно, не считать за указание на таковое, например, подобные слова Фавстоса Бузанда, сказанные им по поводу основания царем Аршаком Аршакавана: «В эти времена царь Аршак не слишком следовал богоугодному пути» (IV, 12). Эти слова, напротив, лишний раз подтверждают наш тезис. Настаивать на датировке серединой IV в. равносильно тому, что отрицать принадлежность надписи армянскому царю, что, однако, пока никому не приходило в голову.

Ничего не вносит и пункт второй аргументации Л. А. Ельницкого, привлекающего к сравнению две греческие надписи: одну — из северной Месопотамии (найдена в 1953 г. при раскопках римской виллы в Султантепе), с посвящением Пафосской Афродите, нимфам и харитам; другую — на глиняном светильнике из Сухуми (найдена при раскопках в 1954 г.), с призывом поклоняться Гермесу-Меркурию. Обе надписи датируются их издателями IV в. н. э.⁷ «Знай Маркварт об этих надписях,— пишет Л. А. Ельницкий,— вряд ли он мог бы говорить столь решительно о нехристианской надписи из Тигранакерта, как об исторически несообразной применительно к обстоятельствам середины IV столетия» (стр. 210). Кажется, что автор все же недооценивает Маркварта, который, несомненно, разобрался бы в том, что обе упомянутые надписи в интересующем нас аспекте совершенно не сопоставимы с тигранакертской надписью. В самом деле, тигранакертская надпись — это царский указ, в котором декларируется официальная государственная политика, и если в нем речь идет *о богах*, то это означает, что официальной религией царя было не христианство. Привлеченные же надписи носят сугубо частный характер: проявившаяся в них приверженность их авторов к Афродите и Гермесу указывает лишь на их личную конфессиональную принадлежность, либо на широту их мировоззрения.

Разница огромна, и указанные надписи не могли бы повлиять на решение вопроса о датировке тигранакертской надписи даже в том случае, если бы они были обнаружены на территории самой Армении, благо нам известно, что, вопреки религиозной политике армянских царей и безраз-

⁶ См. J. Markwart, указ. соч., стр. 134.

⁷ Ссылки на издания см. в статье Л. А. Ельницкого, стр. 210.

дельному господству христианской церкви, язычество гнезилось в различных уголках Армении еще долгое время. Более того, не было бы удивительным даже обнаружение здесь какого-либо памятника, выдающего личные симпатии самого царя, официально исповедовавшего христианство, к тем или иным мотивам язычества. Например, привлеченные Л. А. Ельницким надписи могли бы подать повод для пересмотра в пользу IV века предложенной Б. Н. Аракеляном датировки III веком мозаики с греческими мифологическими сюжетами, раскопанной в Гарни⁸.

* * *

В обсуждаемой статье автор оспаривает также нашу трактовку трех греческих терминов, не имеющую прямого отношения к вопросу датировки. Мы рассмотрим здесь два термина, относящиеся к тигранакертской надписи. Обсуждение же третьего — *πολις*, встречающегося в надписи из Гарни, отложим до другого повода, ибо нельзя коснуться его, обойдя молчанием попытку интерпретации этой надписи в целом, предпринятую Л. А. Ельницким в другой статье⁹, а обращение к ней завело бы нас слишком далеко.

Прежде всего — о термине *πολις* в тигранакертской надписи, как об обозначении городской общины с элементами самоуправления. Это, пишет Л. А. Ельницкий, «было бы, конечно, правильно для надписей классического времени, происходящих из каких-либо древнегреческих центров, но весьма сомнительно для данного контекста, как, впрочем, для Армении этой эпохи вообще» (стр. 207 сл.). Автор высказывает убеждение, что в тигранакертской надписи термин *πολις* употребляется для обозначения города в географическом смысле.

Между тем известно, что термин *πολις* сохранял смысл «городская община», «гражданство» и т. п., присущий ему в «надписях классического времени», также в римский и византийский периоды, притом в качестве основного значения (см. словарь греческого языка римского и византийского времени Софоклиса). Впрочем, по-видимому, этот термин мог употребляться в более поздний период в определенных случаях и как географическое обозначение города. Что касается самих автономных или полуавтономных городских общин, которые автор усматривает лишь «в древнегреческих центрах», то они, что общеизвестно, были широко распространены в эллинистических государствах, являясь их характерной составной частью. Такие общины имелись и в государстве парфянских Аршакидов. Отрицая же возможность существования городской автономии в Армении, автор, как и в вопросе датировки тигранакертской надписи, полностью игнорирует армянский материал, на который мы в очень

⁸ Б. Н. Аракелян, Мозаика из Гарни, ВДН, 1956, № 1, стр. 151 сл.

⁹ Л. А. Ельницкий, К эпиграфике Гарни и Апарана, ВДН, 1958, стр. 146 сл.

значительной степени опираемся в суждениях об армянских городах первой половины IV в.¹⁰

Л. А. Ельницкий ссылается также на один из контекстов термина *πολιται* в тигранакертской надписи — *πολιται* εἰς Νεχρην; контекст достаточно неопределенный, чтобы не строить на нем каких-либо утверждений об оценке значения обсуждаемого термина, тем более в той категорической форме, как это он делает. Наряду с этим Л. А. Ельницкий проходит мимо других, весьма красноречивых, данных надписи, из коих мы вынесем на суд читателя только один момент. В надписи для обозначения города параллельно употребляются два термина *πολιται* и *πόλις*. *Πόλις*, при своем значении «городская община», «город-государство», всегда являлся также обычным обозначением города в географическом смысле. Контексты тигранакертской надписи таковы: «Восстала ваша *πολιται* и начала войну...» и т. д. и «...на воротах прочих *πολεις*-ов...прикрепить». Контексты не оставляют сомнения в том, что в географическом смысле здесь употреблен именно термин *πόλις*, в то время как *πολιται* означает совокупность жителей города. Оценивая эти факты, следует помнить, что рассматриваемая надпись является канцелярским документом, в котором каждому термину должна быть отведена своя роль.

Возражения Л. А. Ельницкого по поводу термина, выступающего в тигранакертской надписи в род. пад. мн. ч. — *τῶν ἀρχῶν*, основаны на недоразумении. Леманн-Хаупт полагал, и мы в данном случае следовали ему, что здесь речь идет о слове *ἡ ἀρχή* — «государство», «власть» и т. д. (что видно из его перевода этого слова как *Gebiet*). Л. А. Ельницкий же приписывает нам слово *ὁ ἀρχὴς*, «правитель», и строит на нем свои возражения.

Изучение тигранакертской надписи еще только начинается. Будем надеяться, что в этом деле примут участие и другие исследователи.

ՏԻԳՐԱՆԱԿԵՐՏԻ ՀՈՐԵԱՐԵՆ ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅԱՆ

ԹՎԱԳՐԱՆ ՎԵՃԻ ՇՈՒՐՋԸ

Գ. Խ. ՍԱՐԿՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո ֆ ո Վ մ)

Լեհման-Հաուպար, վերծանելով Տիգրանակերտի հունարեն արձանագրությունը, ինչպես հայտնի է, վերագրել է այն քրիստոնեության ժամանակաշրջանին: Մարկվարտը հետադաշում հաշվի առնելով արձանագրության մեջ հիշատակված «աստվածների կանխատեսումը», և նման այլ արտահայտություններ, մեր կարծիքով միանգամայն հիմնավոր կերպով ցույց է ափել,

¹⁰ См. Тигранакерт, гл. III.

¹¹ См. ВДИ, 1955, № 3, стр. 55, Тигранакерт, стр. 99.

որ չի նախնիս յայն վերագրել պատմական աւել ժամանակաշրջանին: Վերջերս
Լ. Ա. Ենիքցկին, պաշտպանելով Լեհման-Հաուպտի թվագրումը, փորձել է
ցույց տալ, որ այդ կարգը արաւհաւաճութիւններ կարող էր թույլ տալ նաեւ
մի քրիստոնէա հայ թագավոր:

Լ. Ա. Ենիքցկու բերած փաստարկներում մի կողմից աչքաթող են արված
այ աղբյուրները, որի հետեանքով նույնացվել են IV դ. հայ ե հռոմեական
իրականութիւնները, մյուս կողմից Տիգրանակերտի պաշտոնական արքայա-
կան արձանագրութիւնը համեմատել է աշխարհի արձանագրութիւնների
հետ, որոնք լինելով մասնավոր ե ոչ պաշտոնական բնույթի, տվյալ դեպքում
համեմատութեան եզր չեն կարող ունենալ:

Սյունուհետե ցույց է տրվում, որ արձանագրութեան հունական երկու անբ-
միւնների նախկինում կատարած մեր յուսարանութեան դեմ Լ. Ա. Ենիքցկու
առարկութիւնները մասամբ հիմնավոր չեն, մասամբ էլ թյուրիմացութեան
արդյունք են: